

М. А. Шелкова

Вологда, ВГПУ

АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ И ОПИСАНИЕ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ

В истории Ферапонтова монастыря остается еще немало неисследованных периодов и загадок. Одна из них связана с забвением имени исполнителя росписи в Рождественском соборе до его открытия И.И. Бриллиантовым в 1898 году.² Общеизвестно, что древнерусские мастера сами зачастую не придавали значения сохранению своего имени и не подписывали выполненную ими работу. Но в ферапонтовском соборе иконописец Дионисий, выполнивший росписи в 1502 году, оставил свое имя для поминовения на виду у всех входящих в храм.³ Почему сложилась ситуация, когда было неважно помнить, произносить или записывать имя исполнителя росписи храма? Касалось ли это и другого убранства? Как воспринималось в XVII, XVIII или XIX веках разными слоями русского общества то, что изображено в ферапонтовском соборе?

Для начала обратимся к более близкому для нас XIX веку.

Источниками ответов на поставленные вопросы могут служить косвенные факты из разных документов, но, прежде всего, были бы интересны записки или описания с личностным восприятием увиденного или услышанного. К сожалению, по Ферапонтову монастырю таких материалов

очень мало. Это описанное профессором Степаном Петровичем Шевыревым посещение монастыря в 1847 году,⁴ изданное в 1850 году, и описание Ферапонтовской волости архимандрита Макария 1854 года.⁵ В первом из названных описаний отмечено только наличие в соборе «замечательного древнего иконостаса», поэтому предметом данного исследования является «Описание Ферапонтовской волости» архимандрита Макария.⁶ По мнению Н. Н. Жерве - автора статьи к двухтомному репринтному переизданию описаний новгородских церковных древностей архимандрита Макария, его труды отличаются полнотой, стремлением зафиксировать все вещественные древности.⁶

Архимандрит Макарий, в миру Николай Кириллович Миролюбов, родился в семье сельского священника 24 марта 1817 года в Рязанской губернии и прошел обычный для детей священников путь обучения, сначала — в духовном училище и семинарии, затем — в Московской духовной академии. Получив степень магистра, был назначен учителем в Нижегородскую семинарию. В 1846 году принял постриг в местном Благовещенском монастыре и сразу же был рукоположен в иеродиакон, а затем — в иеромонахи. Успешно занимался изучением ру-

копий и архивных дел, в связи с чем получил предложение описывать местные церковные древности. Важным для характеристики просветительной деятельности будущего архимандрита является его высказывание этого времени в письме к брату: «Обручальное кольцо у меня – гусиное перо, красивая невеста – белая бумага, свадьба – заветная дума».⁷ Его исследования начали публиковать как в епархиальных, так и в столичных научных изданиях. Труды молодого иеромонаха были замечены: он был избран членом Императорского русского географического общества, действительным членом Общества истории и древностей российских, Императорского археологического общества и других.

После перевода в 1851 году в Пермскую духовную семинарию, иеромонах Макарий начинает исследование древностей пермской земли и получает другие поручения. Так, в 1853 году он командирован Святейшим Синодом для знакомства с хранилищами Вологодской и ряда других епархий, после чего назначается членом Особого комитета для составления археологических описаний церковных древностей в монастырях и церквях.

В 1854 году командирован в Новгород для исследования и разбора древнего архива, открытого в тайниках новгородского Софийского собора. Вместе с изучением архива иеромонаху Макарию удается собрать огромный материал о новгородских храмах, монастырях, церковных предметах. За свою деятельность в Комитете был возведен в сан архимандрита.

Произошло это в 1854 году, и в этом же году в XI части «Вестника Императорского русского географического общества» опубликовано описание Ферапонтовской волости.

1854 – очень насыщенный для архимандрита Макария год: разбор архива Софийского собора, сбор материалов по всем новгородским храмам и монастырям с отслеживанием их истории по архивным документам. Пока неизвестно, посещал ли Макарий Ферапонтов монастырь, но содержание описания говорит о том, что его автор непосредственно бывал в соборе Рождества Богородицы и восхищался его древностью соответствующими эпитафиями и фактами: «очень замечательно, очень благолепный, существует и поныне» и т. д.

Следует заметить, что «Описание Ферапонтовской волости» достаточно разнопланово. Оно содержит сведения о географическом положении волости, описание ее природных достопримечательностей, большое количество этнографического материала. На фоне всех этих сведений, занимающих 23 страницы, описанию монастыря с приведением краткой исторической справки о его основателях отведено весьма незначительное место. Здесь приводится краткое описание храмов с указанием их архитектурных особенностей и убранства, в том числе и собора Рождества Богородицы, с констатацией, что «как столбы, так и свод и стены украшены старинною живописью». Отмечено наличие настенных росписей в алтарях собора и старинного, «очень благолепного» иконостаса.

На данный момент в связи с отсутствием возможности знакомства с описаниями архимандрита Макария разных волостей и епархий, кроме Новгородской, приходится использовать для сравнения только данный источник. Двухтомное описание новгородских церковных древностей появилось в 1860 году, когда архимандрит Макарий служил профессором Новгородской духовной семинарии и настоятелем Антониевого монастыря. Странную противоречивую оценку этому труду дал известный историк искусства, художественный критик Владимир Васильевич Стасов: признавая введение архимандритом в научный оборот большого количества документов, имен и хронологических сведений, он отрицал научное значение опубликованных сведений, отмечая преобладание личностной оценки значимости описываемых памятников.⁸

За период пребывания в Новгороде архимандритом Макарием было опубликовано много статей и трудов по разным вопросам. Для нас могло бы оказаться полезным знакомство с его неопубликованной рукописью новгородского периода, хранящейся в Российской государственной библиотеке⁹ под названием «Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Новгородской епархии», куда могли войти материалы по Ферапонтову монастырю.

После Новгорода последовало несколько перемещений архимандрита в разные епархии. Закончил он свой земной путь 24 декабря 1894 года в месте своего пострижения.

Знакомясь с биографией и публикациями архимандрита Макария о новгородских памятниках, мы видим, что его наибольший первоначальный интерес сосредотачивался на рукописях и архивных материалах. При описаниях храмов автор более подробно останавливается на исторических сведениях и архитектурных особенностях с описанием деталей и приведением размеров. Создается впечатление, что описание велось по определенному плану, но для каждого из храмов существовали свои особенности.

Описания «стенной иконописи» (этот термин использует сам автор) соответствуют общему стилю излагаемых сведений: чаще всего о наличии росписей на стенах только упоминается, как и в ферапонтовском соборе, изредка с указанием сюжетов на определенных участках стен, времени создания или состояния без оценки художественной ценности, но с акцентированием внимания на древность исполнения: «старинное изображение», «украшена древней иконописью, но не фресковою», «иконпись сия, судя по рисункам, отличается древним пошибом» и т. д. Исключения составляют описания настенных росписей ц. Спаса Преображения на Ильине, ц. Рождества Богородицы на Молоткове, ц. Спаса Преображения на Нередице и Знаменского собора, где приводятся различного рода исторические сведения о создании росписи с указанием имени мастера — в первом случае «реченин Феофан», предположением о греческом происхождении мастеров

с вероятностью его же авторства во втором храме.

Только данных росписей касаются и некоторые попытки иконографического анализа через сопоставление разных изображений, а также кратко-го художественного анализа, такого, как, например: «отличается хорошим искусством письма», «лицо у пророка самое выразительное» и т. д.

Необходимо отметить, что в данных описаниях церквей сведений об отдельных иконах в иконостасах не приводится, за исключением описания чудотворений, связанных с иконами. При этом описанию наиболее выдающихся икон с особенностями новгородского иконописания и его отличительными признаками, равно как и предметов церковной утвари, посвящена вторая часть издания.

Что же могло помешать более подробному описанию стенописных образов, тем более что во введении ко второй части стенопись названа одним из средств украшения новгородских храмов наравне с иконописью и другими видами искусства?

В поисках ответа на данный вопрос стоит обратиться и к общероссийской научной тенденции этого времени в области древнерусской живописи, также в какой-то степени характеризующей и ее восприятие русским обществом. Общеизвестно, что открытие и устойчивый интерес к древнерусскому искусству возник именно в XIX веке, когда началось коллекционирование и изучение древних икон. Известный исследователь данно-

го вопроса Г. И. Вздорнов считает, что изучение древнерусских стенописей началось одновременно с изучением икон, но в XIX веке исследователям не был известен ни один непоновленный фресковый ансамбль, т. к. открытие подобного рода памятников началось именно с ферапонтовских росписей, что, как известно, произошло только в самом конце XIX века. При этом Г. И. Вздорнов обращает внимание на то, что исследование стенописей требовало от ученых гораздо больше усилий, чем изучение икон: «Нередко многие часы и дни надо было проводить в полутемных, сырых, неотапливаемых помещениях, строить леса для высоко расположенных композиций, ловить яркое солнечное освещение...» и т. д.¹⁰ Появлявшиеся в результате этих усилий труды печатались в роскошных дорогих журналах или издавались небольшими номерными тиражами и, по мнению автора, оставались «малодоступными для массовой аудитории».¹¹

В противовес этим исследованиям существовала единая система епархиальных изданий с описанием храмов, монастырей и исторических мест.¹² Вместе с просветительной функцией эти издания способствовали эффективному управлению епархиями, в т. ч. и выполнению ими функций охраны церковных памятников. Часто на разных территориях их выполняли одни и те же авторы, что подтверждается и работами архимандрита Макария.¹³ При этом одно и то же исследование могло существовать как в виде отдельного оттиска или статьи в

епархиальных ведомостях или трудах, так и отдельными изданиями или приложениями к епархиальным ведомостям. Многие епархии выпускали свои труды, где в соответствии с задачами трудов определялись основные темы, а историко-статистические описания епархий состояли из нескольких разделов: описание отдельных церквей, монастырей, приходов, что подтверждает вероятность существования определенного плана составления подобных работ.¹⁴ Датируемое примерно этими же годами историко-статистическое описание Богородице-Рождественского упраздненного Ферапонтова монастыря¹⁵ содержит практически такие же сведения с названиями нескольких сюжетов росписи. Краткость

данного описания при явном наличии единого для подобных работ плана также не позволяет разрешить вопрос об авторстве.

Вспоминая особое пристрастие архимандрита Макария к именам и датам, его сетования об отсутствии подобных сведений о новгородских храмах, возникает вопрос: «Почему ему не удалось прочесть надпись Дионисия в северном дверном проеме собора с указанием даты исполнения росписи и имени художника?» Можно гадать, что она была чем-то закрыта или не видна в полумраке, был ли сам Макарий в Ферапонтовом монастыре. Ответы на эти вопросы остаются открытыми и ждут новых исследований.

Примечания

¹ Бриллиантов И. И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию монастыря. 1398-1898. – СПб., 1899 – С. 251.

² Шалина И. А. Летописная запись Дионисия и особенности росписей северо-восточных компартиментов собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря // Древнерусское и поствизантийское искусство. Вторая половина XV — начало XVI в. К 500-летию росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. – М., 2005 — С. 163-189.

³ Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. — М., 1850.

⁴ Указание И. И. Бриллиантова (с. 16) о принадлежности данного описания уроженцу Ферапонтовской волости иеромонаху Сергию Мармариссову требует уточнения, поэтому до выяснения этого обстоятельства авторство остается за подписавшим в журнале статью архимандритом Макарием.

⁵ Архимандрит Макарий (Миролюбов). Описание Ферапонтовской волости // Вестник Императорского русского географического о-ва. СПб, 1854. Ч. XI.

⁶ Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб., 2003, Т. I, с. 655.

⁷ Там же.

⁸ Стасов В. В. Собрание сочинений. СПб, 1894, Т. 2, с. 74.

⁹ РГБ, Ф. 203, Оп. 1, Ед. хр. 227.

¹⁰ Вздорнов Г.И. Открытие древнерусской живописи. Дореволюционный период // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 10. - М., 1985, с.30.

¹¹ Там же, с.31.

¹² Слуцкая С.А. К вопросу о типологии епархиальных краеведческих изданий второй половины XIX – начала XX вв. //Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX вв.. Вып. 7. – СПб, 1994, с.141-160.

¹³ Описание Оранской Богородицкой пустыни. - М., 1851; Описание г. Верхотурья // Известия ИРГО, СПб, 1854, ч. XI; Памятники древностей в Пермской губернии // Записки ИАО. - СПб, 1856. Т.VIII; Памятники церковной древности Нижегородской губернии // Записки ИАО. - СПб, 1857. Т.X; Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. – М., 1858 и т.д.

¹⁴ Слуцкая С.А., с. 143, 148.

¹⁵ НГОМЗ ОПИ, д. 10601.